

БАННО

13

№12 (72)

Санкт-Петербург

2012

ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ КОСТЯЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (Саратов)
Тел.: (8452) 95-23-78; E-mail: edikost@bk.ru

АНАТОЛИЙ ИЛЬИЧ АВРУС

доктор исторических наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета (Саратов)
Тел.: 8(845) 2-26-56-70; E-mail: avrus@rol.ru

В статье дается оценка некоторых из существующих в современной отечественной историографии классификаций течений, возникших в Российской социал-демократической рабочей партии с началом Первой мировой войны, проводится детальный анализ содержания развернувшейся в ее годы внутрипартийной дискуссии среди меньшевиков о совместимости понятий «интернационализм» и «оборончество», представлен оригинальный авторский подход к соотношению данных терминов, рассмотрены взгляды на эту проблему таких видных деятелей российской социал-демократии, как Г. Плеханов, А. Потресов, П. Маслов, Ю. Мартов, А. Мартынов и некоторых других, предложена новая классификация меньшевистских течений по их отношению к мировой войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, социал-демократия, меньшевизм, интернационализм, оборончество, патриотизм.

**ДИСКУССИЯ В РЯДАХ МЕНЬШЕВИКОВ
О СОВМЕСТИМОСТИ ПОНЯТИЙ «ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ» И «ОБОРОНЧЕСТВО»
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В современной историографии встречаются более или менее дробные классификации течений, возникших в РСДРП с началом Первой мировой войны. Так, А. Степанов выделяет оборончески-патриотическую группу социал-демократов, объединившуюся вокруг Плеханова, умеренно-радикальную во главе с Потресовым, правоцентристов, руководившихся Аксельродом и Чхеидзе, левоцентристов во главе с Мартовым, «межрайонцев», возглавлявшихся Троцким, и крайне левых социал-демократов под руководством Ленина¹. Более обобщенную характеристику дает В. Булдаков, считающий, что с началом мирового конфликта «среди социалистов не было и не могло быть единства: одни, подобно либералам, настаивали на войне до победного конца; другие надеялись на возвращение к status quo ante в расчете на будущую солидарность остывших от братоубийства народов; третьи по-прежнему грезили о поражении собственных «империалистических» правительств и мировой революции пролетариата». При этом Булдаков не расшифровывает, кто конкретно из социалистов какие из перечисленных позиций занимал, добавляя только, что все они «оставались утопистами, ибо мир двигался по иным законам»². Рассматривая в своей книге вопрос об отношении к войне различных политических сил России, автор из социалистов останавливается почему-то только на большевиках, а позиции эсеров и меньшевиков фактически не рассматривает³.

Наиболее распространенной в источниках и литературе классификацией меньшевиков по отношению к мировому конфликту является их деление на «оборонцев» и «интернационалистов»⁴. Однако такая классификация далека от совершенства, поскольку «оборончество» и «интернационализм» – понятия разного уровня. *Революционный пролетарский интернационализм*, т.е. международная солидарность рабочих всего мира в борьбе с имущими классами своих государств за революционное свержение их господства во имя торжества идеалов социализма, был стратегией международной и российской социал-демократии. *Революционное же оборончество*, т.е. признание необходимости участия в вооруженной защите Отечества от внешнего врага в качестве кратчайшего пути и наиболее рационального средства продвижения к революционному перевороту, равно как и *революционный пацифизм*, т.е. стремление к тому же через немедленное заключение всеобщего справедливого мира, а не через оборону, являлись всего лишь *тактическими методами*

достижения стратегически интернационалистских целей. Поэтому противопоставление или хотя бы даже перечисление в одном ряду разноуровневых понятий «интернационализм» и «оборончество» представляется нам теоретически необоснованным и нуждается в пересмотре. Интернационализм правомерно сравнивать или противопоставлять, например, национализму, являющемуся равной по значимости и действительно противоположной ему идеологией, а отнюдь не оборончеству, которое – только одна из тактик продвижения, к стати, как к интернационализму, так и к националистским целям.

Стоит вспомнить в этой связи, что еще задолго до начала Первой мировой войны такие видные деятели европейского социалистического движения, как О. Бауэр, А. Бебель, Ж. Жорес, К. Каутский и некоторые другие, не обнаруживали никакого антагонизма между понятиями «интернационализм» и «оборончество», не расценивали участие пролетариата в оборонительных войнах как предательство идей международной классовой солидарности и признавали, что в определенных ситуациях отстаивание рабочими национальных интересов своих государств вполне может сочетаться с принципами интернационализма. К примеру, один из основателей германской социал-демократии, страстный борец против милитаризма и войны Август Бебель, отвечая в годы первой российской революции на вопросы анкеты французского журнала «La Vie Socialiste», пришел к выводу, что «патриотизм и интернационализм не только не противоречат, но, наоборот, взаимно дополняют друг друга на благо человеческой цивилизации»⁵. Один из основателей и лидеров шведской социал-демократии Карл Яльмар Брантинг, в котором «его шведский – вернее, скандинавский – патриотизм проявлялся не менее ярко, чем его социалистические и демократические воззрения»⁶, подчеркнул на Штутгартском конгрессе II Интернационала (1907), что «интернационализм и национальность не только не противоположны друг другу, а, наоборот, взаимно друг друга дополняют»⁷. И, наконец, известный борец против милитаризма и лидер французских социалистов Жан Жорес написал в 1910 г. в работе «Новая армия»: «...интернационализм поверхностный отдаляет от родины, интернационализм глубокий – приводит к ней; патриотизм поверхностный отдаляет от Интернационала, патриотизм глубокий – приводит к нему». Он не видел никакого противоречия в том, «чтобы пролетарии, социалисты и интернационалисты активно участвовали в организации народной национальной обороны»⁸.

Тем не менее еще в самом начале войны один из лидеров интернационалистско-пацифистского течения в меньшевизме Юлий Мартов (Цедербаум) сообщал своему коллеге по Заграничному секретариату Организационного комитета (ЗСОК) РСДРП Павлу Аксельроду в письме из Парижа от 27 октября 1914 г., что своими оборонческими выступлениями основатель отечественной социал-демократии Георгий Плеханов «все более увязает в российско-националистическом болоте»⁹. В статьях «Маркса оставьте в покое», «Война и Плеханов», «Русский марксизм и война» и др., опубликованных в 1914–1915 гг. в парижских газетах «Голос» и «Наше слово», Мартов очень болезненно реагировал на то, что Плеханов и его единомышленники при обосновании своей «оборонческой» позиции активно цитировали Маркса: «Марксисты не обязаны слепо повторять всякое слово, сказанное 60 и более лет назад Марксом: частных ошибок в его политических суждениях было столько же, сколько в суждениях каждого крупного и самостоятельного мыслителя»¹⁰. Юлий Осипович считал, что «не в национальной реакции против марксизма, а в развитии и всесторонней реализации интернационалистского содержания Марксова учения заключается задача завтрашнего дня движения», а «оборонческую» позицию Плеханова называл «вульгаризированным марксизмом»¹¹.

20 октября 1915 г. на экстренном собрании Цюрихского социал-демократического клуба еще один коллега Мартова по ЗСОК Александр Мартынов (Пиккер) предложил исключить из клуба Плеханова и его единомышленников (Г. Алексинского, Л. Дейча, И. Киселева и др.), сделав при этом следующее заявление: «Исключением социал-патриотов из нашей среды мы покажем рабочему классу в России, что мы с этим направлением не согласны и осуждаем его. Социал-патриотическое направление является опасным движением против интернационализма»¹². Голос Мартынова был услышан, и тут же по предложению Комитета Цюрихского социал-демократического клуба была принята соответствующая резолюция, при голосовании которой обнаружилось только трое воздержавшихся¹³.

В предательстве интернационализма необоснованно обвиняли Плеханова и его соратников редакторы издававшегося в Нью-Йорке органа Федерации союзов русских рабочих Соединенных Штатов и Канады «Голос труда». К примеру, в его редакционной статье «Русский социал-патриотический журнал в Америке», появившейся в номере от 5 ноября 1915 г., говорилось, что чем дальше от России и «от современной трагической русской жизни находятся наши социал-патриоты, тем ярче разгорается в сердцах их <...> обыкновенный, животный, обывательский патриотизм, – и тем более решительно забвению предаются ими идеи социализма и интернационализма»¹⁴. Конкретизируя свои нападки, редакторы «Голоса труда» указывали, что дальше принятого на состоявшемся в сентябре 1915 г. в Лозанне совместном меньшевистско-эсеровском совещании оборонческого манифеста «К сознательному трудящемуся населению России», автором которого являлся Плеханов, идти «по откровенно-националистическому пути» уже некуда, поскольку дорога эта ведет только «в объятия получерносотенного «прогрессивного блока», а «социал-националисты» Плеханов, Дейч и К⁹ «решительно ничем уже теперь, кроме революционной по-прежнему фразеологии», от буржуазных националистов не отличаются»¹⁵.

Однако в действительности такие настроения Плеханову и его единомышленникам были чужды, и они справедливо считали себя истинными интернационалистами¹⁶. Вот что писал Георгий Валентинович болгарскому социалисту Захарию Петрову еще в самом начале мирового конфликта: «Социализм отнюдь не исключает любви к отечеству. Но между тем, как люди, держащиеся точки зрения эксплуатирующих классов, находят позволительным и даже обязательным ставить интересы своей страны выше интересов всего остального мира, социалист должен иметь мужество пойти против своего отечества, когда оно в своей иностранной политике поступает неспра-

ведливо, нарушает «простые законы нравственности и права». Только тот социалист, который способен на это, и может назваться международным социалистом <...> и имеет право сказать о себе, что в его любви к отечеству нет шовинизма»¹⁷. Понимая под «интернациональностью» те обязанности, которые «существуют у каждого сознательного гражданина каждой цивилизованной страны по отношению к другим странам», Плеханов подчеркивал в статье «Всемирный праздник наемного труда», опубликованной в № 14 газеты «Единство» от 15 апреля 1917 г., что интернационалист – «не тот, кто вырвал из своего сердца всякое национальное чувство, а тот, кто умеет подчинять это чувство контролю своего разума, возвысившегося до понятия интернациональности». Он напоминал читателям, что когда Швеция захотела в 1905 г. вновь покорить отложившуюся Норвегию, тогда шведские социалисты пригрозили своему правительству всеобщей стачкой, а их норвежские коллеги объявили себя готовыми с оружием в руках защищать свою страну. То, что рабочее население Швеции выразило готовность действовать в духе этого решения, являлось «одним из самых отрядных явлений в истории культуры наших дней». Она показывала, отмечал Плеханов, что «организованный рабочий класс целой страны, – в данном случае Швеции, – способен подняться на ту высоту сознания, на которой чувство долга по отношению к родине контролируется сознанием обязанностей по отношению к другим странам, то есть ко всему человечеству»¹⁸.

В вышедшей в 1915 г. статье «Еще о войне» Георгий Валентинович также отмечал: «Мы должны восставать против эксплуатации одного народа другим, как восстаем против эксплуатации трудящейся массы господствующими классами. Я сочувствую своей родине, когда она подвергается нападению, и не сочувствую ей, когда она нападает <...> Я никогда не говорил, что русский пролетариат заинтересован в победе русского империализма, и никогда этого не думал. Я убежден, что он заинтересован лишь в одном: чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов (курсив Плеханова. – А.А., Э.К.). А это нечто совсем другое»¹⁹.

Из приведенных высказываний видно, что права была единомышленница Плеханова меньшевичка Ида Аксельрод, написавшая в статье, опубликованной в № 14 газеты «Призыв» от 1 января 1916 г., «Еще об «интернационалистах», что люди, обвинявшие революционеров, считавших своим «социалистическим долгом бороться с опасным для победоносного движения пролетариата немецким милитаризмом», в измене интернационализму, «сами ушли далеко от понимания международного социализма»²⁰. Не менее прав был и Григорий Алексинский, когда писал о твердой приверженности интернационализму английского и французского пролетариата, вставшего на защиту своих государств в ходе «оборонительной» для них войны с Германией, со стороны которой она, в свою очередь, представляла «предприятие грабительское и угнетательское». Сознательные рабочие Франции и Англии отнюдь не разделяли «цинично-безразличного отношения наших «интернационалистов» (они же пораженцы) к главному вопросу о том, кто виновник войны»: «Считая этим виновником не свои правительства, а германское, они оказывают своим правительствам энергичную поддержку в деле обороны страны. И, делая это, – подчеркивал Алексинский, – они честно выполняют свой социалистический долг, ибо социалистический интернационализм требует свободного развития народов и, следовательно, беспощадной борьбы с насильниками и угнетателями, мешающими этому свободному развитию»²¹. Применительно же к России, считая виновником развязывания войны «более развитой немецкий империализм, который пришел в соприкосновение с конкурентами», он писал, что именно по этой причине российские социалисты имеют полное право заявить: «Да, мы имеем право защищать свою страну не только потому, что мы революционные патриоты, а и во имя социализма». Позор той стране, под-

черкивал Алексинский, в которой слово «патриот» является «настолько заплеванным, что его даже стесняются революционеры», ведь настоящий интернационализм не отрицает любви к своему Отечеству: «Интернационализм заключается не в том, чтобы равнодушно относиться к национальному развитию и самостоятельности народов, он заключается в уважении к своим и чужим правам. Велика та страна, которая отстаивает свои и чужие права, и жалок тот народ, который не умеет делать этого и который не находит в себе мужества сказать: “Я умею защищать свои права не только словесными призывами к всемирному братству народов, но и вооруженной рукой”...»²²

Необходимо также признать правоту меньшевика Владимира Мирова (Икова), когда он писал, как «старый теоретик марксизма» Плеханов остался верен себе и блестяще сумел соединить в своей «военной» позиции «национальное» и «интернациональное», как неувязимо защищал он свою «национальную» позицию с точки зрения «интересов международной демократии» и «общеευропейского развития»: «Интернациональное не полярно противоположно национальному: оно может быть органически слито (курсив Мирова. – А.А., Э.К.). Надо только суметь найти момент их совпадения». Только невежественные демагоги, убеждал читателя Миров, могли утверждать, что в годы войны Плеханов «изменил интернационализму, стал “социал-патриотом”, когда осенью 1914 г. со всей силой диалектики умудренного опытом борца за социализм призывал русскую социал-демократию к отпору германскому империализму», почему-то забывая о том, что «к этому отпору он звал всю мировую демократию, что необходимость борьбы с германским империализмом он видел в той опасности, которой вообще чревато торжество планов теоретиков и практиков пангерманства». Страстная любовь к России, наполнявшая все существо Георгия Валентиновича, «не заволакивала его сознание туманом шовинизма и ему, революционеру мысли и дела, чужд был квасной патриотизм». Кроме того, Миров отмечал в Плеханове черты «великого западника», когда он выделял «специфическую опасность германской победы над Россией»: «Эта победа отбрасывала нас от Запада; она разрывала, подобно монгольскому игу, преемственность нашего развития и изменяла линию его направления; она делала нас Востоком, Китаем Европы, – отмечалось в статье. – А тем самым эта германская победа носила поражение всей (курсив Мирова. – А.А., Э.К.) европейской демократии»²³.

Следует признать и правоту Карла Каутского, указавшего в 1947 г. в своей последней книге «Социалисты и война», что позиция основателя российской социал-демократии по вопросу о мировом конфликте не была проявлением национализма, напротив, Плеханов-интернационалист сознавал необходимость безусловной защиты европейской демократии, которой грозила гораздо большая опасность со стороны германского империализма, чем со стороны российского абсолютизма²⁴. И, наконец, довольно пафосно звучала концовка одной из написанных в 1918 г. статей меньшевика Владимира Левицкого (Цедербаума), в которой он вопрошал читателя: «После Бреста и уничтожения государства российского у кого хватает духа упрекать Плеханова в “социал-патриотизме”, в слепой шовинистической ненависти к Германии, в служении интересам англо-французского империализма; кто посмеет теперь утверждать, что в военной позиции Плеханова было что-либо не от интернационалиста, социал-демократа и революционера?»²⁵ И действительно, из всего вышесказанного о его «военной» позиции следует, что и сам Плеханов, и его соратники являлись по отношению к мировому конфликту одновременно и социалистами-патриотами, и революционными пролетарскими интернационалистами.

Многочисленные подтверждения надуманности обвинений в адрес представителей оборонческого крыла российской социал-демократии в предательстве интернационализма мы находим также в произведениях Александра Потресова и его единомышленников, которые очень

красноречиво называли себя представителями «интернационалистско-оборонческой демократии России»²⁶. Писали они о совместимости понятий «интернационализм» и «оборончество» в легальных журналах, время было военное, цензоры бдительно стояли на страже чистоты российской прессы от проникновения в нее крамольных мыслей, поэтому, чтобы не оказаться под угрозой закрытия своих изданий, формулировать принципиально важные мысли интернационалистам-оборонцам приходилось крайне обтекаемо. Отсюда – осторожность в высказываниях, «эзопов язык», непростой слог, при котором традиционно употребляемым в социалистической печати словам приходилось находить приемлемые для цензуры заменители. Так, предельно конкретный «Интернационал» под пером наиболее осторожных меньшевистских публицистов (В. Левицкий, П. Маслов и др.) нередко превращался в абстрактные «международность», «международное целое» или «международное представительство демократии», термин «интернационализм» звучал как «международные принципы» или «международная точка зрения», а «социал-демократия» становилась просто «демократией»²⁷.

Серьезное внимание обсуждению рассматриваемого нами вопроса уделялось в 1915 г. на страницах меньшевистского журнала «Наше Дело». Так, в статье «Война и демократия» одним из ведущих партийных теоретиков и публицистов Петром Масловым была выдвинута проблема совместимости участия социалистов в самозащите страны с интересами Интернационала. Естественность такой совместимости автор видел в том, что в области военной организации требование, которое считалось демократическим и общепризнанным в качестве наиболее целесообразного при существовании капиталистического строя, заключалось в необходимости замены постоянной армии на народную милицию (вооружение народа). Назначение этой милиции, по мнению Маслова, должно было заключаться не только в парадировании перед обывателями, но и как «наиболее целесообразное орудие самозащиты (курсив Маслова. – А.А., Э.К.) страны против нападения другой страны. [То] е[сть] демократия считала самозащиту страны от нападения одной из своих задач. Очевидно также, что стремление заменить постоянную армию милицией вытекало из желания устранить завоевательные стремления, которые связаны с милитаризмом»²⁸.

Размышляя о предназначении народной милиции, Маслов продолжал: «...если самозащита не только не противоречит интересам демократии и интернационала, но выдвигается в программе демократии (в виде требования милиции), то нападки на бельгийских и французских социалистов, принявших горячее участие в самозащите Франции и Бельгии, очевидно, вытекают из недостаточно продуманного отношения к старым программным требованиям»²⁹. Главную трудность положения, в которое попала европейская социал-демократия с началом войны, автор статьи видел в том, что «национальные интересы демократии воюющих стран как будто вступили в противоречие с интернациональными интересами, что те и другие многим представляются непримиримыми». Но именно «как будто». Если бы национальные интересы были противоположны и непримиримы с интернациональными, то «существование интернационала было бы утопией. Ибо широкие народные массы никогда не встали бы на интернациональную точку зрения, никогда не были бы ее сторонниками, если бы (везде в цитате курсив Маслова. – А.А., Э.К.) она противоречила непосредственным ближайшим интересам этих народных масс»³⁰.

Но, к счастью, с удовлетворением констатировал Петр Павлович, национальные интересы вовсе не находились в непримиримом противоречии с интересами других наций, а задача демократии в том и заключалась, чтобы защита первых не противоречила последним. Также и самозащита страны не находилась в противоречии с интернациональными интересами: «Но в резком противоречии с ними, – развивал свою мысль Маслов, – находятся за-

воевательные стремления. Ибо интернациональные интересы являются ни больше, ни меньше, как гармонией национальных интересов, выражающейся в обширном сотрудничестве демократий и в борьбе против угнетения других народностей, от кого бы это угнетение ни исходило»³¹. И вопрос о заключении мира тогда, когда война уже развязана, при тогдашних завоевательных стремлениях империалистических государств, могла, по его убеждению, перевести в практическую плоскость только принципиальная постоянная позиция самозащиты, ставящая задачей лишь защиту экономических и политических интересов своей страны, и признание таких же интересов за другими странами. Только такая позиция, заканчивал он, «не находится в противоречии с интернациональными интересами и, будучи систематически проводимой демократиями всех стран, послужит гарантией против завоевательных стремлений империалистических стран»³². Таким образом, в рассмотренной статье ее автор, проведя анализ совместимости интернационалистской теории и оборонческой практики социал-демократии, не обнаружил между ними никакого противоречия.

В следующем номере журнала Маслов снова указал на то, что интересы самозащиты каждого народа «...находятся в полной гармонии с интернациональными интересами, потому что для каждой нации одинаково ценна и важна политическая, экономическая и культурная независимость»³³. При этом он полагал, что поскольку каждая нация имела право на самозащиту и так как очень трудно определить, где кончалась самозащита и начиналось нападение, то лучшим судьей при решении проблем в международных отношениях являлся Интернационал: «Стоя на точке зрения самозащиты и права национальностей на самоопределение, международная демократия может лучше всего определить не только границы самозащиты, но и условия заключения мира, которые наиболее соответствуют интересам демократии. Поэтому, — подчеркивал автор, — нельзя назвать иначе, как недомыслием, противопоставление национальной самозащиты интернациональным интересам демократии и смешение самозащиты демократии с существующим национализмом»³⁴. Нельзя противопоставлять национальные интересы интернациональным, писал Маслов в статье «О “движении” и “конечной цели”» в ответ на обвинения в адрес меньшевиков-«оборонцев» за их участие в националистической агитации, пока защита этих интересов не сопровождается игнорированием других национальных интересов: «Как движение приводит к конечной цели, — подводил он итог своим размышлениям, — так и отстаивание всяких национальных интересов против гнета и эксплуатации приводит к интернационализму»³⁵.

Увлечение Маслова обоснованием необходимости участия социал-демократии в отстаивании национальных интересов своих государств через самозащиту привело к полемике внутри редакции «Нашего Дела». Анализируя статью Маслова «Война и демократия», меньшевик Анатолий Дюбуа признал, с одной стороны, ее автора совершенно правым в том, что до самого последнего времени обязанность рабочей демократии участвовать в национальной самообороне никем в Интернационале серьезно не оспаривалась и не подвергалась сомнению: «Всеми всегда считалось общепризнанным положением, — писал он, — что интернационализм не означает равнодушия и безразличия к судьбам своего отечества». Но, с другой стороны, Дюбуа был убежден, что Маслов далеко не прав в «аргументации, которой он пользуется в защите этого до самого последнего времени общепризнанного в интернационале положения». Имелось в виду, что, обосновывая принцип национальной самообороны, автор «Войны и демократии» оперировал аргументами, «чуждыми рабочей демократии», и тем самым поддерживал те проявления самозащиты, которые «грозят самостоятельному существованию демократии и ее интернационализму»³⁶.

В чем же конкретно проявлялось несогласие Анатолия Дюбуа с «национальными аргументами» Петра Маслова? В том, что определение последнего «как сущности интер-

национальных интересов, так и задач демократии (курсив Дюбуа. — А.А., Э.К.) и неверно, и неполно». Прежде всего, утверждал критик, совершенно неверно определение сущности интернациональных интересов, как гармонии интересов национальных: «В современном обществе нельзя говорить ни о какой гармонии интересов, в том числе национальных. Национальный антагонизм — такой же факт, как <...> антагонизм классовый. Поэтому и национальные интересы рабочих одной нации далеко не всегда находятся в состоянии гармонии с национальными интересами рабочих другой нации». В качестве главной иллюстрации своего утверждения Дюбуа называл то, что интересы немецких пролетариев, как немцев, в ходе мировой войны были антагонистичны интересам английских пролетариев, как англичан, поскольку и те и другие в плане возможных экономических выгод от победы своего государства «заинтересованы сейчас в успехе своей нации»³⁷.

Переходя к теме необходимости строительства разрушенного войной Интернационала, он подчеркивал, что возводил его «на защите национальных (курсив Дюбуа. — А.А., Э.К.) интересов рабочих на том основании, что эти интересы якобы находятся в состоянии гармонии, является <...> чистой утопией. Если задачей демократии является защита национальных интересов, то никакого сотрудничества отдельных ее частей <...> не получится, а останется одна только защита национальных интересов...» Интересы рабочих всех национальностей, считал он, обближает их повсюду одинаковое экономическое положение наемной рабочей силы: «Как бы не было велико торжество их нации или, наоборот, как бы не было велико ее падение, они всегда останутся в положении продавцов рабочей силы с своими особыми классовыми интересами и вытекающими отсюда общими задачами. Этот общий рабочий всех национальностей классовый интерес, единственный в современном обществе реальный интернациональный интерес, и является, — заключал Дюбуа, — тем базисом, на котором строится здание широкого сотрудничества демократий всех стран...» Вывод, к которому он пришел в результате данных размышлений, был сформулирован так: «...интернационализм в рабочем движении, производное классового интереса, достигался только путем отказа от национальной точки зрения. Поэтому <...> нельзя формулировать задачу демократии так, как это делает Маслов: не защита национальных интересов и пр[очее], а защита классовых, интернациональных интересов рабочих»³⁸.

Подводя черту под этой дискуссией двух принципиальных единомышленников-оборонцев, следует отметить, что уделявшее приоритетное внимание соблюдению приемлемого баланса между национальными и международными интересами пролетариата, национально ориентированное оборончество Маслова было ничуть не менее интернационалистским, чем классово ориентированное оборончество его молодого коллеги-оппонента. Несмотря на критику в адрес Маслова, это были лишь оттенки мнений, причем сам Дюбуа, полемизируя с Масловым, ни в коем случае не подвергал сомнению интернационалистский характер его воззрений³⁹, и обе представленные точки зрения не выходили за рамки стратегии оборонческого интернационализма.

Не менее пристальное внимание «нашедельцами» было уделено проблеме связи патриотизма, взрыв которого принесла с собой начавшаяся война, с интернационализмом. При этом они также не усматривали между ними противоречия. В частности, П. Маслов, обращаясь к проблеме связи решения национального вопроса в России в ходе войны с вопросом о самозащите, писал, что «всем, кому дорога национальная независимость своей страны, нужно встать против угнетателей национальностей и внутри страны». С этой точки зрения, утверждал он, врагами Отечества оказываются те общественные группы, которые присваивают себе монополию на патриотизм, а также «исчезает противопоставление патриотизма интернационализму: не желая угнетения своего наро-

да, своей родины, нужно быть последовательным и не желать угнетения другого народа и его родины»⁴⁰. Кроме этого, следует подчеркнуть, что в воззвании разделявших позиции «Нашего Дела» «петроградских социал-демократов-сторонников народной самозащиты» «Ко всем рабочим» от сентября 1915 г. говорилось, что никто иной, как представители российской демократии вообще и пролетариата в особенности, должны с величайшей решительностью и единодушием встать на защиту своей страны: «Патриотизм рабочего класса, — подчеркивали авторы воззвания, — патриотизм самый решительный и самый дальновзоркий <...> Он не ограничен национальными рамками, он не противоречит интернациональным стремлениям рабочего класса, ибо защита страны, подвергшейся чужеземному вторжению, есть защита свободы его *классового развития в национальных рамках* (курсив авторов воззвания. — А.А., Э.К.), которое совершенно необходимо для успеха интернационального пролетарского единения»⁴¹.

Более детальному рассмотрению вопрос о патриотизме был подвергнут в статье меньшевика Федора Череванина (Липкина) «К характеристике современного положения», в которой автор посвятил ему целый параграф. Констатируя факт, что возникшая война принесла с собой неожиданный для многих «горячий взрыв патриотизма у пролетариев развитых капиталистических стран со многими десятилетиями рабочего движения» (немцев, французов, бельгийцев и англичан), Череванин обратил внимание, с какой радостью враги Интернационала праздновали в связи с этим его поражение и даже гибель, а некоторые «наиболее уважаемые представители русской рабочей демократии» тут же заговорили о существовании «непримиримого противоречия между патриотизмом и интернациональным чувством»⁴².

Однако сам Череванин с таким подходом был не согласен. Пока существуют национальные рамки и пока в них совершается рабочее движение каждой страны, до тех пор, полагал он, и немецкий, и французский, и английский пролетарий будет чувствовать «наиболее живую и реальную связь именно со своим рабочим движением <...> и будет загораться патриотическим чувством, когда будет видеть перед собой опасность извне, опасность, угрожающую нарушить его движение, ослабить или уничтожить его характерные черты, изломать его и искоренить <...> В этих пределах, — утверждал автор, — национальное чувство неистребимо сейчас у пролетариев, и в этих пределах оно не зло, а благо с точки зрения интернационала»⁴³.

Череванин отмечал, что патриотизм, который «растет и развивается из связи со своим движением, из гордости достигнутыми в нем результатами, из готовности всеми силами защищать и культурные блага, от которых это движение отправляется, и те приобретения и завоевания, которые оно приносит с собой, такой патриотизм по самой своей природе не имеет ничего общего с патриотизмом, стремящимся к насильственному усилению на счет других наций, к аннексиям и завоеваниям. Он по меньшей мере не противоречит интернациональным чувствам и стремлениям»⁴⁴. Раз движение совершается в национальных рамках, продолжал Федор Андреевич, к связи с мировым пролетарским движением рабочие каждой страны могут мыслить и чувством переходить, только устанавливая самую тесную и самую интимную связь со своим собственным движением. Эта связь «со всеми вытекающими отсюда последствиями является необходимой ступенью к связи с мировым движением. И в известных пределах поэтому, — заключал он, — те корни, из которых вырастает пролетарский патриотизм, в то же время и корни его интернациональных настроений»⁴⁵.

Череванин считал, что «мировой пожар зажгла Германия» и для нее война «была не оборонительной, а наступательной». Исходя из этого, он утверждал, что патриотизм Франции, Бельгии и Англии «был в данном случае не только естественен, законен и неизбежен, он был сейчас могущественным союзником интернационала. И если

интернационал воскреснет и процветет после войны, то он этим в огромной степени будет обязан тому патриотическому воодушевлению, с которым рабочие Бельгии, Франции и Англии боролись за свободу и независимость своих стран»⁴⁶.

Не остался в стороне от обсуждения проблемы и лидер интернационалистско-оборонческого крыла меньшевиков в России А. Потресов. Во многих произведениях антиоборончески настроенных социалистов и разделявших их позиции советских историков было расхожим мнение, что Потресов и его единомышленники изменили в годы мировой войны интернациональным принципам и превратились в националистов⁴⁷. На наш взгляд, с действительностью данная точка зрения расходится. Одно из наиболее ярких тому доказательств — содержание опубликованной в сборнике «Самозащита»⁴⁸ статьи Потресова «Патриотизм и международность».

Пронесшийся с началом войны по Западной Европе «шквал патриотизма» не навел на него пессимистических мыслей относительно судьбы Интернационала. «Я знаю, — образно выражался автор, — когда уляжется муть, которая поднята шквалом, то окажется, что гораздо больше, чем когда-либо прежде, что только теперь впервые — хотя сколько-нибудь — подготовлена почва для международной»⁴⁹. Распространенное же среди российских антиоборонцев нигилистическое отношение к идее «Отечества» ему не импонировало. Он называл его «восточным интернационализмом», вкладывая в это выражение все свое западническое презрение к «традиционной российской отсебятине», и иронически замечал: «Я с подозрением смотрю на этих восточных праведников, несущих сейчас свое просиянье ума европейскому грешному миру, и я твердо храню в своей памяти, что это не в первый уже раз Пошехонье спасает Европу»⁵⁰.

Расшифровывая свое понимание «традиционной российской отсебятины», Потресов писал, что как прежде «без капитализма мы шли в социализм, так теперь, пренебрежительно отшвыривая патриотизм как что-то отжившее, мы уже видим себя интернационалистами без страха и упрека. Мы аплодируем тому, что различные ответственные лица пролетариата не решаются выставить знамя обороны как знамя борьбы с двояким врагом; и в равнодушии обывателя, которому в глубокой мере безразлично, больше или меньше в России десятка губерний и доразовьется ли она, все пять назад, до былого московского царства, склонны усматривать высший политический разум свежеиспеченного гражданина мира»⁵¹. Далее автор статьи сетовал, что российской обывательской массе, в том числе и пролетарской, «еще надо поступить в приговорительный класс той школы гражданственности, через которую — в течение ста лет и более — проходила Европа, еще надо предварительно сбросить с себя первобытную шкуру обывателя-подданного восточной полуазиатской страны и ощутить *своим* (курсив Потресова. — А.А., Э.К.) национально-государственное целое, как ощущает его европеец, чтобы быть в состоянии дойти до общественного международного сознания и общественного международного чувствования. Ведь если европеец после долгой работы <...> только теперь прикоснулся к порогу подлинной международной и все еще находится в ее преддверии, то мы, со своей стороны, даже не дошли и до черты патриотизма как массового общественного явления, как активного гражданского чувства»⁵².

Указав далее на разницу между «патриотизмом гражданина» и тем, что «нередко слывет за патриотизм в обыходе обывателя», Александр Николаевич постарался дать определения этим понятиям. Первое из них, по его представлению, несет «достояние и жизнь на алтарь своей родины». Так называемый же «патриотизм догражданского обывательского состояния лишь по какому-то недоразумению обозначается словом, указующим на связь целому со своим национально-государственным целым...»⁵³ Этой связи нет, так как нет реального представления о том, что такое эта «*patria*, отечество, целое. Нет патриотизма в собственном смысле этого слова, ибо ни-

когда не упражнялось чувство связи индивида с общественно-политическим организмом, а есть зоологическая каратаевщина, фаталистическая покорность судьбе, бесстрашное принятие смерти, словом, то, что так прекрасно выражено Пушкиным в его образе раба, безропотно и бестрепетно идущего, по слову владыки, к смертоносному Анчару»⁵⁴.

Патриотизм не казенный, а в действительном значении этого слова, полагал автор статьи, это сознательно-гражданское отношение отдельного индивидуума к судьбам того национально-государственного организма, членом которого он является. Причем такое отношение нисколько не противоречит стремлению к изменению основ существующего строя: «Я бы даже сказал, — отмечал Потресов, — чем больше деятельной ненависти к строю, тем больше любви к целому, ...которая и составляет патриотизм»⁵⁵. Этот патриотизм, справедливо указывал он, не противоречил действительному интернационализму, политика которого одинаково далека «как от политики *национализма*, ставящего интересы <...> национально-государственного целого своим верховным принципом, так и от политики *антинационального космополитизма* (курсив Потресова. — А.А., Э.К.), для которого не существует законных интересов <...> национально-государственных индивидуальностей, а стало быть, нет и защиты таких интересов <...> нет и признания начала необходимой обороны». Из этого Потресов делал вывод, что действительный интернационализм возможен «лишь как доразвившийся до своего отрицания национально-государственный, пролетарский и иной, — патриотизм, — как вершина, венчающая гору гражданских переживаний в национально-государственном масштабе»⁵⁶.

Совсем иначе, утверждал Александр Николаевич, обстоит дело с примитивным российским «интернационализмом», который являлся идеологическим выражением отсутствия сознательно-гражданского отношения к судьбам своей страны. Этот «интернационализм», отвергавший патриотизм, до которого страна еще не доросла, он считал таким же показателем отсталости российского развития, как прежде народническое желание идти без капитализма к социализму. По его мнению, в стране «все еще нет патриотизма как массового явления» и поэтому «дорваться России до патриотизма — значит дорваться до Европы, значит стряхнуть с себя мертвые объятия азиатчины, значит взять огромную метлу в свои руки и начать выметать из России ее многовековую нечисть». «Я оптимист для Запада и пессимист для Востока!, — заканчивал Потресов. — Можно было бы сойти с ума в России, если бы, несмотря на всяческие превратности истории, все же не брезжил свет в европейском окошке и не указывал нам: через патриотизм — иного пути нет — в международное царство братства и равенства!»⁵⁷.

Приведенные суждения, с которыми трудно не согласиться, со всей очевидностью свидетельствуют, как далеки были в годы войны Плеханов, Потресов и их единомышленники-«оборонцы» от приписывавшихся им национализма и измены интернациональным принципам. Эти суждения позволяют также сделать вывод, что Плеханов, Потресов и их сторонники, стремившиеся к разрешению мирового конфликта в интересах международного социализма, являлись по отношению к нему интернационалистами-оборонцами, сторонниками участия в защите России от внешнего врага во имя скорейшего торжества принципов революционного пролетарского интернационализма.

При этом справедливости ради следует признать, что деление на «оборонцев» и «интернационалистов» по вопросу о том или ином отношении к войне являлось достаточно распространенным в высказываниях и трудах самих меньшевиков⁵⁸. Однако целый ряд признаков позволяет сделать вывод — использовали они такое деление лишь для удобства, краткости формулировок, хорошо понимая, что меньшевики-«оборонцы», как и их внутрипартийные оппоненты, тоже являлись полноправными интернационалистами. Быть в этом убежденными дают осно-

вания, во-первых, часто встречающиеся в работах и высказываниях меньшевиков самооценки внутрипартийных течений по их «военной» платформе, как «так называемых» оборонцев и интернационалистов, интернационалистов и оборонцев «в кавычках»⁵⁹.

Во-вторых, стоит обратить внимание, что «оборонцы», считая свои взгляды на войну проявлениями настоящего, «истинного», «действительного» интернационализма⁶⁰, комплекс воззрений и подходов к проблемам мирового конфликта своих внутрипартийных оппонентов называли в большинстве случаев не чистым, а «близким к большевизму циммервальдским», «упрощенным», «мнимым», «сектанским», «лже-», но все-таки интернационализмом⁶¹. Иногда, правда, и в этом интернационалистам-пацифистам «оборонцы» отказывали. Например, в статье «Искусство генерала Ренненкампа», опубликованной в газете «День» 18 июля 1917 г., Потресов написал, что руководимое Мартовым партийное течение на словах «налепило на себя почетную марку интернационализма и под ней щеголяло, на самом деле выявляя не интернационализм, а ничего общего с действительным интернационализмом марксизма не имеющий яacobинизм на истинно-русской бунтарской подкладке»⁶².

В-третьих, на понимание внутри партии полной совместности «интернационализма» и «оборончества» указывают некоторые фрагменты заявлений и работ известных меньшевистских лидеров, в которых «оборонцы» рассматривались в качестве интернационалистов. Об этом свидетельствует, в частности, содержание сборника «Самозащита», в котором «встретились те из марксистов, для кого идея интернационализма и идея самозащиты страны не являются понятиями, друг друга исключающими, а, наоборот, — представляют то единство, которое определяет на ближайшее время линию их практической политики»⁶³. «Революционный оборонец» Федор Дан (Гурвич) в заключительном слове по докладу «О войне» на состоявшейся в мае 1917 г. Всероссийской конференции РСДРП, указывая на ошибки коллег по партии из лагеря Мартова, «называющих себя интернационалистами», говорил: «Меня обвиняют в том, что я изменил интернационализму, но я был и остаюсь тем же интернационалистом, но только не в таком сектантском смысле»⁶⁴. Меньшевик Петр Гарви (Бронштейн) полагал, что военная позиция Потресова «отнюдь не сводилась к вульгарному “социал-патриотизму”», он «субъективно остался и во время войны социалистом-интернационалистом, полагая единственно правильным, чтобы социалистический интернационал установил виновника войны и соответственно предписал линию поведения для социалистов каждой отдельной страны», и в этом Потресов, для которого германская социал-демократия являлась «вторым духовным отечеством, был, в сущности, “старовером”, апеллируя к традиционной позиции Маркса и Энгельса, Лассалья и Бебеля в вопросе о войне»⁶⁵. По поводу же единомышленника Потресова Павла Колокольникова Гарви писал, что всю свою жизнь он являлся «убежденным интернационалистом, даже когда был оборонцем потресовского толка во время войны 1914–1918 гг.»⁶⁶. Историк меньшевизма Григорий Аронсон добавлял к этому, что взгляды Потресова на мировую войну фактически являлись «оборончеством, окрашенным в интернационально-социалистические цвета»⁶⁷. Это достаточно красноречивые иллюстрации того, что меньшевики не расценивали термины «оборонец» и «интернационалист» как взаимоисключающие и признавали за «оборонцами» равное право носить почетное звание интернационалистов.

Нельзя пройти мимо и такого показательного факта, как распространенность и нередкое употребление в меньшевистских источниках периода войны для характеристики взглядов Плеханова, Потресова и их единомышленников термина «оборонцы-интернационалисты»⁶⁸, что также свидетельствует о полной совместности в сознании меньшевиков понятий «оборончества» и «интернационализма». В тот же ряд можно поместить и замечание участника Всероссийской конференции РСДРП Васильева в

адрес сторонников Мартова по поводу того, что «напрасно эта группа считает только себя “интернационалистами”. Все члены конференции интернационалисты»⁶⁹.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что, употребляя в одном ряду понятия «оборонцы» и

«интернационалисты», сами меньшевики отлично понимали, что никакого противоречия между этими понятиями нет и что «оборонцы» также являлись полноправными интернационалистами.

¹ См.: Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 144–154.

² Булдаков В.Л. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 93.

³ См.: Там же. С. 87–93.

⁴ См., напр.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 187–190; Т. 27. С. 85; Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 286–289, 293; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993. С. 8; Европейское социалистическое движение. 1914–1917: Разрубить или развязать узлы? М., 1994. С. 56–57; История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. М., 1994. С. 246–248; Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002. С. 62, 342, 347–348, 352, 354, 389, 456; Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 4: Становление партии / Науч. ред. С.В. Тютюкин. М., 2008. С. 333, 364 и др.

⁵ Каутский К., Бебель А. Патриотизм, война и социал-демократия. Б. м., б. г. С. 32–33.

⁶ Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Париж, 1963. С. 274.

⁷ Цит. по: Шуб Д. Политические деятели России (1850–1920-х гг.). Сборник статей. Нью-Йорк, 1969. С. 149.

⁸ Жорес Ж. Против войны и колониальной политики. М., 1961. С. 194. Подробнее об этом см.: Костяев Э.В. «Интернационализм» и «оборончество»: взгляд европейских социалистов на совместимость понятий // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 2 (21). С. 132–136.

⁹ Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова (1901–1916) / Под ред. Ф. Дана, Б. Николаевского и Л. Цедербаум-Дан. Берлин, 1924. С. 305.

¹⁰ Цит. по: Урилов И.Х. Указ. соч. С. 296, 346.

¹¹ Цит. по: Там же. С. 296.

¹² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 10003. Оп.1. Рул. 351 Карт. 59.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Там же. Рул. 369. Карт. 62.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См., напр.: Там же. Ф. 5881. Оп. 3. Д. 155. Л. 6; Д. 158. Л. 9; Плеханов Г.В. Вопросы войны и социализма. О войне. Статьи. Пг., 1917. С. 26; Его же. Отечество в опасности // От первого лица: Сборник. М., 1992. С. 4 и др.

¹⁷ Плеханов Г.В. О войне. 4-е изд. Пг., 1916. С. 20.

¹⁸ Плеханов Г.В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. В 2 т. Т. 1. Париж, 1921. С. 37, 39.

¹⁹ Цит. по: Шуб Д. Указ. соч. С. 244.

²⁰ Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection, Series 279. Box 678. Folder 17.

²¹ Алексинский Г. Война и революция. Пг., 1917. С. 10, 12, 9.

²² Алексинский Г. Во имя социализма. (Речь к товарищам рабочим). Пг., 1917. С. 9–10.

²³ Мирон В. Г.В. Плеханов и война // Дело. № 11–12. 26 (13) июня 1918 г. С. 5.

²⁴ См.: К 75-летию Дома Плеханова. 1928–2003. Сборник статей и публикаций, материалы конференции. Санкт-Петербург, 2003. С. 233.

²⁵ Левицкий В. Отец Российской социал-демократии // Дело. № 11–12. 26 (13) июня 1918 г. С. 8.

²⁶ Там же. 1916. № 5–6. С. 94–95.

²⁷ Наше Дело. 1915. № 3–4. С. 46, 48, 68, 70; № 5–6. С. 47 и др.

²⁸ Там же. № 3–4. С. 46.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 48.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 49–50.

³³ Маслов П. Самозащита // Там же. № 5–6. С. 46.

³⁴ Там же. С. 46–47.

³⁵ Маслов П. Война и демократия. М., 1916. С. 17.

³⁶ Горский А. О войне и демократии // Наше Дело. 1915. № 5–6. С. 65–66. «Горский» – псевдоним А. Дюбуа.

³⁷ Там же. С. 71, 66.

³⁸ Там же. С. 67.

³⁹ См.: Там же. С. 70.

⁴⁰ Маслов П. Самозащита // Там же. С. 44–45.

⁴¹ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 392.

⁴² Наше Дело. 1915. № 5–6. С. 57.

⁴³ Там же. С. 58.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 59, 60.

⁴⁷ См., напр.: ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 3. Д. 284. Л. 1; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 198; Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3 т. Т. 1: Канун семнадцатого года. М., 1992. С. 110; История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 4-е, доп. М., 1974. С. 164 и др.

⁴⁸ Критическому рассмотрению вышедшего в январе 1916 г. в Петрограде сборника «Самозащита» специальную работу «Национализм и социализм», написанную в августе того же года, посвятил Мартов, заметив, что он вынужден был это сделать, так как «политика влиятельных меньшевистских групп, которая, при всей искренности воодушевляющих эти группы интернационалистских чувств, носит печать той “национальной ограниченности”, которой преодоление является, на наш взгляд, необходимым условием для выведения социализма из постигшего его кризиса» (Цит. по: Урилов И.Х. Указ. соч. С. 308).

⁴⁹ Потресов А.Н. Избранное. М., 2002. С. 176.

⁵⁰ Там же. С. 176–177.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 177.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Потресов А.Н. Война и вопросы международного демократического сознания. Вып. 1. Пг., 1916. С. 61.

⁵⁶ Там же. С. 61–62, 73.

⁵⁷ Потресов А.Н. Избранное. С. 178–179.

⁵⁸ См., напр.: Астров. Пролетариат и коалиционное министерство // Летучий листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. № 1. С. 9; Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона / Т. 2. Меньшевики в 1917 году: от июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. С. 145–146, 148, 149, 175, 797; Меньшевики / Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, 1988. С. 93, 137, 151, 257; Меньшевики после Октябрьской революции. Сборник статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson, 1990. С. 177 и др.

⁵⁹ См., напр.: ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 3. Д. 155. Л. 2; Ф. 10003. Оп. 1. Рул. 369. Карт. 62; Браиловский А. В. И. Засулич. (Венок на могилу) // Hoover Institution Archives, Boris I. Nicolaevsky collection, Series 130. Box 201. Folder 4; Аксельрод И. Еще об «интернационалистах» // Ibid. Series 279, Box 678. Folder 17; Зив Г. Война и «интернационалисты». (Ответ Н. Троцкому и другим) // Свободное Слово. Нью-Йорк. 1916. № 7. С. 437, 439; Левицкий В. Русская революция и будущее Европы // Дело. 1917. № 3–6. С. 95; Канторович В. Меньшевизм // День. 1917. № 54 (1615). 9 мая; Милов В. Указ. соч. С. 5; Гарви П. А. Н. Потресов – человек и политик // Социалистический вестник. 1934. № 14 (323). 25 июля. С. 5; Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 246, 254; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 270, 273, 315–317, 471, 561, 565, 797–799; Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 3. Меньшевики в 1917 году: От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря). М., 1997. С. 278, 323, 326, 328; Меньшевики в большевистской России. 1918–1924. Меньшевики в 1918 году / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Отв. составитель Д. Павлов. М., 1999. С. 493 и др.

⁶⁰ См., напр.: ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 3. Д. 155. Л. 6; Левицкий В. Огнем и мечом // Дело. 31 (18) марта 1918 г. № 1 (7). С. 2; Его же. Вопросы мира // Дело. 1 августа (19 июля) 1918. № 14. С. 15; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Часть вторая. С. 425, 455 и др.

⁶¹ См., напр.: ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 1. Рул. 351. Карт. 59; П[авел] К[олокольников]. Четвертая годовщина // Дело. № 14. 1 августа (19 июля) 1918 г. С. 3; Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. / Т. 1. Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий. М., 1994. С. 338 и др.

⁶² Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. С. 246.

⁶³ Самозащита. Марксистский сборник. 2-е изд. Пг., 1916, предисловие.

⁶⁴ Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 338.

⁶⁵ Гарви П. А. Н. Потресов – человек и политик. С. 4.

⁶⁶ Гарви П. А. Революционные силуэты. Нью-Йорк, 1962. С. 2.

⁶⁷ Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции. С. 240.

⁶⁸ См., напр.: Ответ Энзису // Дело. 1916. № 5–6. С. 93–95, 99; Левицкий В. Из идеологии социалистического империализма // Дело. 1917. № 1. С. 72; Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 268, 610, 631.

⁶⁹ Там же. С. 435.

АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ СИЛИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск)
Тел.: (911)557-40-53; E-mail: silin23@yandex.ru

В статье анализируются позиции участников дискуссии 1920-х гг. о путях подготовки рабочих кадров, рассматривается отражение этой дискуссии в регионах, исследуется влияние дискуссии на политику в области профессионально-технического образования.

Ключевые слова: Наркомпрос, Главпрофобр, Высший Совет народного хозяйства, Центральный институт труда, профессионально-техническое образование, научная организация труда, школы фабрично-заводского ученичества.

ДИСКУССИЯ 1920-х гг. О ПУТЯХ ПОДГОТОВКИ РАБОЧИХ КАДРОВ В СССР: МЕЖДУ ЦИТОМ И ФАБЗАВУЧЕМ

В середине 1920-х гг. в советском обществе не утихала полемика по вопросу о том, кому и как готовить рабочие кадры. В основе дискуссии лежала альтернативная формула – «Центральный институт труда (ЦИТ) или фабзавуч». Дискуссия отразила две разные позиции по указанному выше вопросу: чем является профессиональная школа – типом учебного заведения в системе образования или формой подготовки рабочих кадров в экономической системе¹.

Большинство руководящих работников Наркомпроса, комсомол и некоторые хозяйственники ратовали за сохранение школ ФЗУ, а также за синтез в этих школах общего и профессионального образования². Нарком просвещения А.В. Луначарский решительно выступал против взгляда на начальное профессиональное образование как на «школу натаскивания известного вида рабочих». Луначарский упрекал хозяйственников за их стремление смотреть на школу ФЗУ с точки зрения нужд их предприятия. Нарком протестовал против закрытия профессионально-технических учебных заведений на том основании, что производству якобы не нужны высококвалифицированные рабочие.

Луначарский смотрел на школу ФЗУ как на один из вариантов единой трудовой школы³. В школы ФЗУ привлекались рабочие-подростки, занятые на производстве и не охваченные обучением в школах II ступени. А школы ФЗУ в этот период давали общеобразовательную подготовку в объеме, близком к школе-семилетке, что в связи с сокращением общеобразовательных школ в системе Наркомпроса было немаловажно. В данном аспекте взгляды Луначарского выглядят более реалистичными по сравнению с подходом Н.К. Крупской, настаивавшей на быстрейшем создании политехнической школы-девятилетки⁴.

Но расхождения во взглядах Луначарского и Крупской не носили принципиального характера. Выступая в 1924 г. на I Всесоюзном съезде по рабочему образованию, Крупская подчеркивала, что, поскольку обучение рабочих направлено на развитие промышленности, оно обязательно должно включать изучение плановости всего народного хозяйства⁵. «Школы фабзавуча входят в единую систему народного образования. Они по существу дела являются одним из типов единой трудовой школы», – указывала Крупская. Главную особенность школ фабзавуча состав-